

Новые стихи

Елена ШАХНАЗАРОВА

БАШНЯ

*Моему любимому сказочнику,
Резо Габриадзе.*

Бродит по улице сказочник,
сказочник
(взгляд и походка встревоженной
птицы),
кружит нам голову фразой
загадочной:
«Воздух весны должен осенью
сниться...»
Театр, прикинувшись бархатным
ларчиком,
все мимолетное сделает вечным.
Слушаем – прежние девочки –
мальчики –
странную птицу с лицом
человечьим.

Что-то болеет в годы последние
городу, вместе с его устабашем...
Но, по кирпичику,
медленно-медленно,
словно спасение, строится башня.

Рельсом скрепленная с улочкой
тесной,
помнит и роли, и тексты к эпохам.
Дерево с крыши взметнется
протестом,
ангел утешит крылом скомороха...

Стрелки часов – как подарок под
елкой:
и проплывают тбилисцы ушедшие –
бабушка в шляпке и мама
в футболке,
старый сосед, что любил
«Оджалешу»...

Дрогнет лицо под сырým
листопадом...
Тот, кто здесь был, никогда
не забудет,
как обменялись прощающим
взглядом
разом ожившие – куклы и люди.

СЛЕПОК

Этот слепок не из гипса –
жизнь, застывшая волной.
Вот – пластмассовая клипса –
перламутровой луной...
Буйным твистом у спортзала
наэлектризован пол,
вот – победный, разудалый,
бесконечный волейбол...
И звонок велосипеда,
я – на раме, рук кольцо,
и семейного обеда
многоликое лицо...
И запретная прическа
под названием «конский хвост»...
Слишком быстро, слишком жестко
натянулся жизни холст.

Все сидеть бы мне на сливе,
сплюнув косточки-года,
знать – не зная, что счастливей
я не буду никогда.

ПОЧЕРК

Не по крови, не по родству,
здесь (увы!) в генетике – прочерк,
я в свои города прорасту,
как в руке прорастает почерк.

Видишь букв чеканный разбег,
а, в заглавных – литая ограда?
Значит, снова, минувя век,
я сбежала к дворам Ленинграда.

Вот востока изящная вязь
вьется кустиком неопалимым –
это я приручать взялась
письмена Иерусалима...

Рвутся шпильки, летящие ввысь,
в каждой букровке – Гедеминас!
В старой ратуше мне приснись,
в башне Вильнюса – сохрани нас...

Что за путаный почерк? Лишь тот,
кто эклектикой радостной мыслит,
в суматохе балконов прочтет:
«Не горюй!»... Факсимиле Тбилиси.

ТИФЛИС

Фаянса жар, неспешность
чашки чая
меняем на пластмассу “кока-колы”...
Восток мой грешный, я уже скучаю –
твоей мятежной крепости осколок.
Ты был непредсказуем, часто
– дерзок,
в усмешке пряча каверзу вопросов,
и странный мир зурны,
ковров и фресок
был простодушен, как души
набросок.

Не заходите в дом, где жило время
под ритм шаири, дробный
стук туты...
Евроремонт. И кто теперь поверит,
что пел с рассвета под дудуки ты?

СТОП-КАДР

Апрель. На третьем этаже
старик прилежно моет окна.
И дом – оживший зимний кокон –
расправил крылышки уже.
Здесь жили дед, отец, семья,
теперь – один он. Так бывает.
Он что-то стеклам напевает
и носит воду, семена.
И зайчик солнечный дрожит,
и отражение невесомо –
он, прежним мальчиком, из дома
бежит, считая этажи...

* * *

Оттолкнись веслом от берега,
где камыш дрожит по краю –
не в Европу, не в Америку –
к заблудившемуся раю...

Все опять начнется с этого
всплеска легкого весла –
как с мотива недопетого,
с непрожитого числа...

Но глядишь ты недоверчиво:
вечно там, на карте – мель.
И уключин птица певчая
сушит весла на корме...

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОКТАБРЯ 2012

“In vino veritas”

Не перепутать с прозой
время хмельной лозы...
Гроздь тугие розово
светятся из корзины.

Взгляд виноградин пристален,
сизо-седой налет...
Кто поседел под выстрелы,
стоя стакан нальет.

Бродит под оболочкою
грозная власть вина...
Кровью прольется?
Строчкою?

Истина не видна.

ПЕРИСЦВАЛЕБА

Тифлис изнемогает от жары,
и тает так, как тают карамельки.
И взгляды одурающие – мельком –
не дразнят горожанок, до поры...

Жонглирующий яблоками Спас
сухие взгляды переполнит медом,
лукаво переломится погода...
Тогда гляди. Не опуская глаз.

«Перисцвалеба» – говорят у нас.
Да, ПЕРЕХОД в иную гамму цвета,
иной тональности, чем огненное
лето...

Преображенье. Плоскости
пространств
на миг пересекутся до восхода...
И облако – знаменье перехода.

* * *

В тени граната хватит места
всем нам, поющим на краю –
Гранаты жаркая сиеста
уже врачует жизнь мою.

Здесь солнце выбирает краски
для белых стен и красных крыш,

жасмина запах, сладко-вязкий,
не тает, даже когда спишь...

О Господи, как мы богаты!
Что ни лицо – портрет любви!
И щели крепости покатою
вьюнок молоденький обвил.

Еще в руке и веер робок,
далек язык любви, измен...
Но ходит девочка-ребенок,
почти – походкою Кармен...

ДВОР ДЕТСТВА

Там гибкий кизилковый прут
взвизывался над шерстью пахучей,
там было не легче – но лучше,
ни память, ни двор не соврнут.
И были перины – как пух,
и руки, натружено-жестки,
дворняги любимая шерстка
и солнцем пригретый лопух,
и гаммы, сквозь уличный гам,
и запах тягучий – ткемали...

А прутья певуче взлетали,
сродни дирижерским рукам.

КОГДА НАС ЗАГОНЯЮТ В УГОЛ

Опять свиваются концы
и гордиев готовят узел,
безумный шар несется в лузу,
избрав позорный суицид.
И так, по-детски, стынет страх,
когда нас загоняют в угол.
И столько мир расставил пугал
на наших, на семи ветрах!
Ну, «на войне – как на войне»...
Приправим жизнь щепоткой чая.
И, выстрел в спину исключая,
прижмемся к дружеской спине.

СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЕ

Все ритмы перепутав, дождь
четекту бьет по ржавой крыше.
Пора надежд, в преддверье вишен,
когда весь день чего-то ждешь.

Все меньше мыслей о былом
у рыжих кошек и прохожих.

Сдирают как больную кожу
брусчатку мокрую, кайлом.

Она, и впрямь, уже стара,
но честно подставляла плечи
то каблучкам моим – под вечер,
то метлам дворницким – с утра.

В копилку памяти запишем
ее булыжников повадки...
И спрячут выбоины кладки
былые косточки от вишен.

КОНЕЦ ДЕКАБРЯ

Не ври, что завершают декабри
настой густой из горя и полыни.
Плесни осадок из бутылки синей
на угли. И, пугливо – затвори.

Пусть там творится вечная возня
огня и веток, горести и смеха,
и всполохи, и плач... И чье-то эхо
так далеко, как певчий оклик дня.

Весь мир – как снеговая западня.
Соври про лето сказку для меня.

ПАМЯТЬ

С каждой смертью исчезает
в жизни нота или звук,
но никто из нас не знает,
что теряет в день разлук,

это только через годы
вдруг – ознобом по спине:
хочешь спеть – не хватит ноты,
засмеешься – звука нет.

ПРОСЬБА

Дыхание открылось... Не прерви.
Мне не нужна избыточность
надежды.
Как прежде, в старый город, до зари
пускай бредет мацонщик...
Белоснежный
качнется над хинкалями колпак...
Закончатся разезды и разлука.

А если будут слезы – только так:
от доброго вина и злого лука...

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

ПАСХА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ГОДА

Историю эту мне поведал человек, имевший к ней непосредственное отношение. Может быть, по живости своего природного воображения и за давностью лет случившегося он кое-что приукрасил, но сам рассказ отнюдь не показался мне ладно скроенной выдумкой. Жизнь удивляет порой сюжетами и похлеще.

Словом, Эраст Михайлович, а лет этак семьдесят с лишним назад белобрысый, веснушчатый мальчик Эрик, был племянником настройщика музыкальных инструментов Леонарда Шлатгауэра. Шлатгауэры были родом из нынешнего Болниси, который в те времена назывался Люксембургом, а ещё раньше, до залпа «Авроры» – Екатеринофельдом. Отец Леонарда в начале двадцатого века порвал с родовым гнездом, перебрался в Тифлис и, будучи человеком утончённых притязаний, к тому же предприимчивым, занялся скупкой и продажей антиквариата. Очень крупным коммерсантом он не стал, но открыть лавку, обзавестись деньгами, женой и детьми сумел. Последних у Франца Шлатгауэра было двое – старший Леонард и отставшая от брата на пять лет младшенькая Эмма. Леонард легко одолевал гимназические науки, имел абсолютный слух, отменно музицировал на фортепиано и, хотя особенно в папино занятие не вникал, с ходу мог безошибочно отличить «сакс» от «севра». Эмма, видимо, пошла в мать – пышнотелую немочку простых сословных кровей, равнодушную к высоким материям, но твёрдо знавшую счёт каждой копейке в семейном бюджете. Здесь дочь была верной помощницей родителям. За это и, наверное, за младшинство они привечали её больше, чем независимого, хмурого Леонарда. Он, впрочем, на маму с папой не обижался. И сестру тоже любил. Собирался даже привезти ей роскошную шубку после первых сольных концертов в Европе.

С грёзами пришлось расстаться где-то к середине двадцатых годов. Если красные эскадроны одиннадцатой армии звонко процокали мимо шлатгауэровской лавки, то сталинский удар по нэпу поставил её существование под прямую угрозу.

Папа Франц понял это сразу и только начал было рассовывать свой недешёвый товар по укромным местам, как ребята в кожаных тужурках описали и экспроприировали всё добро в пользу государства. Глава семейства занедужил, слёг и встал всего лишь один раз, чтобы проводить в последний путь свою стремительно угасшую супругу. Вскоре и он, оплакиваемый всеми, кроме кредиторов, отправился к праотцам.

Леонард к тому времени разменял «четвертак». Фунт лиха обошёлся ему чересчур дорого, и за удовольствия, которые он намеревался получить от жизни, платить было уже нечем. Скромных доходов настройщика разлаженных «бехштейнов» хватало только на харч. Для себя и, конечно, для дорогой сестрицы. Эмма стала видной девушкой, выучилась портновскому ремеслу, устроилась в швейную мастерскую городского ГПУ, и, надо же, нашла там свою половину. Ушивала как-то форменный кительёк похудевшему после тифа лейтенанту милиции Мише Постолову, пленилась его учтивыми манерами, привела в родительский особняк на Ардонской улице и заявила с порога брату:

– Познакомься, Лео, это мой суженый...

Зная твёрдый характер сестры, Лео понял, что идти наперекор этому браку бесполезно, а идеологические разногласия не позволят ему жить с зятем под одной крышей. Через год, когда у молодых супругов появился мальчик Эрик, Леонард Францевич покинул отчий дом и снял комнату неподалёку. В качестве некоторой компенсации за вынужденное самоущемление он прихватил рояль и несколько вещичек из не сгинувшего папиного добра. Декоративное пасхальное яичко с золотистыми ободками по тёмно-красному родонитовому тельцу являло собой наибольшую ценность. Эстетическую – считал Леонард. Денежную – утверждала Эмма и вспоминала, как перед отбытием на небеса папа Франц досадно обронил:

– И куда же это седьмая «цыпа» задевалась?..

«Цыпами» папа Франц называл яйца. Из этого откровения, по разумению Эммы, следовало,

что папа Франц уберёт-таки от загребущих рук «гепеушников» шесть коллекционно-серийных яиц работы знаменитейшей фирмы Фаберже, а седьмое бесследно пропало. Коллекцию эту никто не видел, но отец о ней обмолвлялся, и все помнили, как незадолго до последнего милицейского «шмона» он привёз из Баку туго набитый саквояж. Содержимое папа Франц не показал даже любимой дочке. Крутые передряги породили в нём крайнюю недоверчивость к окружающим. Поэтому, когда уже после смерти родителей на рояле Леонарда закрасовался яйцевидный овальчик, Эмму захлестнула волна нехороших подозрений. Брат поспешил успокоить сестру.

– Я не слышал предсмертных бредней отца, – раздражённо сказал Леонард, – но тебе, глупышка, стыдно путать настоящую вещь с простой поделкой, ей до «фаберже», как медному котелку до ржавчины...

Щекотливая тема вроде бы закрылась, однако гадкая муть сомнений продолжала колобродить в тускловатой, непрозрачной от природы Эмминой душе. Ни подаренный, по сути, Леонардом дом, ни бескорыстная забота о сестре не умиливали безобразного божка алчности, который требовал от Эммы принести ему в жертву святость родственных отношений. И это случилось. В кипе старых бумаг Эмма наткнулась на аккуратно разграфлённый пожелтевший листок. Глянула и обомлела: список антиквариата, несомненно, составленный рукой папы Франца, открывался коллекцией из семи яиц Фаберже. Внизу стояла дата – «1926 год, Баку».

Дальнейшие события приобрели окраску кухонной свары. Ворвавшись в новую квартиру брата и сунув ему под нос обличительный документ, Эмма потребовала немедленного возвращения или хотя бы дележа семи исчезнувших яиц. Леонард клялся в своей невиновности, стыдил, увещевал, а под конец рывкнул нелюдским голосом:

– Вон из моего дома!

– Хамляк! Ноги моей у тебя больше не будет, – взвизгнула Эмма и добавила, – я Мише пожалуюсь. Он из тебя душу вытряхнет!

С этого дня в отношениях брата и сестры наступил ледниковый период. Эмма повсюду клеймила брата как вора и пакостника, тот объяснял любопытствующим поведение сестры патологическими нарушениями психики. Миша Постолов оказался намного умнее своей жены. Душу из Леонарда он не вытряхнул, а решил нейтрализовать шурина деликатно-нахрапистым

способом с привлечением спецслужбы в лице родного девятилетнего сына Эрика и ярого профессионального желания выяснить судьбу таинственной «яйцекolleкции» Фаберже.

Действовал он втайне от холерической супруги, полагаясь на авантюрное «авось» да сыновний сыскной, рано прорезавшийся талант.

– Дядю своего ты должен вывести на чистую воду, – поучал мальчика Постолов-старший, – Он враг, контра недорезанная, товарища Сталина не любит. Приглядишься, где у гада яички лежат, мама о них каждый день твердит. Только чтобы он не заметил. Найдёшь – молодцом будешь! У папки же в кармане пятаки находишь. Ты кем хочешь стать – чекистом или буржуином?..

Эрик угрюмо сопел носом и не отвечал на дурацкие вопросы: пусть папка купит давно обещанный двухколёсный самокат, а уж он-то самого чёрта проведёт, не то, что какого-то вольганутого дядю Лео.

Апрельским утром 1939 года отец и сын Постоловы постучали в дверь квартиры Леонарда Шлатгауэра. Дядя Лео опешил, но внутрь незваных гостей впустил.

– Забудем вражду, – примирительным тоном сказал Миша Постолов. – Сколько можно дуться друг на друга?! Лопнем ведь. Я вот пацана, племянника твоего, привёл музыке учиться.

– А способности есть? – полюбопытствовал Леонард Францевич, неожиданно для себя переступив грань долгой неприязни, отчуждавшую его от скандальной родни.

– Ты музыкант, тебе виднее, – ответил Миша Постолов и незаметно прощупал взглядом холостяцкую квартиру.

Частное репетиторство, которым, помимо настройки инструментов, занимался неудавшийся концертант, похоже, не принесло ему материального достатка. «Под пролетария маскируешься... Знаем мы вашего брата», – поправляя португепю, дал волю непарадным мыслям Миша Постолов, а вслух произнёс:

– Кто старое помянет, тому два глаза вон!.. Ты, в общем, с племяшом не цацкайся... Всю правду скажи, без брехни... Он мне вечером доложит.

Вечером Эрик доложил отцу, что тёмно-красное яйцо лежит в нижнем ящике комода, а у него самого дядя обнаружил полное отсутствие музыкального слуха, для развития которого и велел прийти через неделю. «Не горюй! Сыщику нужен не слух, а нюх», – приободрил отец сына, слегка опечаленного

открывшимися обстоятельствами. Эрику захотелось выяснить, как развивается слух, и он пошёл к соседской признанной музыкантше, красивой девочке Марише Возненко.

Мариша помогала бабушке месить тесто. На кухне стоял сладкий запах. Бабушка поминутно выкрикивала непонятные слова: «Корицу! Ваниль! Мускат!». Мариша крутилась заведённой юлой, доставая из буфета какие-то коробочки и пузырьки.

– Что это у вас? – спросил Эрик.

– У нас Пасха. А у вас – не знаю, – ответила Мариша.

Эрик молча повернулся и ушёл. Он знал, что на Пасху у ворот тбилисских церквей переодетые в штатское милиционеры «секут» всех, кто проведывает эти каменные островерхие домины.

Ровно через неделю Эрик отправился к дяде Лео развивать музыкальный слух. Отцовский инструктаж остался в силе, и едва после получасовой вводной беседы дядя Лео отлучился из комнаты, Эрик бросился к комоду. Рванул на себя нижний ящик. В картонной коробке бочком к бочку лежали семь яиц, поблёскивавших разными цветами – от тёмно-красного до светло-зелёного. Каждое яйцо опоясывали две золотистые линии. Если бы Эрику было не девять лет, а девятнадцать, если бы он знал, что такое подвох, и если бы не маячил у него перед глазами двухколёсный самокат, он бы, наверное, водворил ящик на место, не прикоснувшись к чёртовой коробке и не обольщаясь папиной похвалой в адрес своего нюха. А так... Леонард Францевич вернулся в пустую комнату, посмотрел из окна вслед убежавшему по улице Эрику и полугрустно-полунасмешливо произнёс: «Прощай, музыка...».

Покрыв за минуту короткую спринтерскую дистанцию до своего дома, Эрик заметил стоявшую возле него легковушку. На скамейке под живой самшитовой изгородью сидели двое мужчин. В одном из них Эрик узнал бывшего папиного сослуживца, майора Мануйлова. Этот черноусый здоровый дядька раньше часто приходил к ним, пил с отцом вино, никогда не пьянел и как-то нехорошо поглядывал на маму. Однажды, выпив лишку, приятели поссорились. Усатый майор куда-то запропастился. И теперь вот появился вновь.

– Мириться, что ли, пришёл, – подумал Эрик, неловко придерживая рукой оттопырившуюся под рубахой коробку с яйцами.

Мануйлов встал, шагнул к Эрику и, сдвинув густые брови к переносице, тихо прошипел:

– А ну-ка давай, что там у тебя за пазухой.

Эрик метнулся в сторону, но второй мужик грубо цапнул его за плечо и тут же выдернул рубаху из не туго схваченных ремешком школьных брючат. Коробка упала на землю с печальным вздохом скрипнувшей под ногой старой-престарой половицы. Приподняв верх, Мануйлов заглянул внутрь картонного квадрата, присвистнул, удовлетворённо буркнул:

– Сигнал был верный. Хороша семейка.

Религиозные фанаты. Пошли в дом.

Мама Эрика, Эмма Шлатгауэр, сначала недоумённо разводила руками, потом глупо улыбалась майору Мануйлову, а по приходе хозяина дома Миши Постолова громко разрыдалась. Все оправдательные объяснения Миши майор Мануйлов встретил нервным подрагиванием щёк и напоминанием о том, что оперуполномоченному районного «угро» негоже тайно верить в бога, замусоривать предрассудками мозги жене и заставлять ребёнка где-то на стороне красить яйца, одно из которых, к тому же, поддельное, явно предназначенное для выманивания у несознательной детворы варёных куриных зародышей посредством мошеннической игры в «битки».

Эрик не противился возведённой на него напраслине. Не изобличили в мелкопаскудном воровстве – и то хорошо. С дядей Лео за подлое ябедничество он сам посчитается, когда вырастет. Лишь бы не увели сейчас отца, как увели несколько месяцев назад папу Мариши Возненко.

Немного странно для скорбных событий тех лет, но Мишу Постолова никуда не увели.

Он вновь сдружился с майором Мануйловым. Эмма Шлатгауэр накрывала друзьям столы и всё сетовала, что мужу не дают повышения. Леонард Шлатгауэр, то ли снедаемый тоской по своей прежней человеческой порядочности, то ли окончательно свихнувшийся от одиночества, повесился. Эраст Михайлович Постолов прожил долгую жизнь. Он-то и рассказал мне эту историю, заканчивая свой век смотрителем игровых аттракционов в замечательном боржомском парке.

Маленькие люди, невеликие страсти, но что-то пикантенькое в этой истории есть... А яйца знаменитого Фаберже так и не нашлись. Скорее всего, коллекции этой вовсе не было, а если она и была, то разве что только в горячем воображении людей, клинически веривших в её существование.

Соседи

АРМЕНИЯ

Сона АМБАРЦУМЯН

УКРЫТИЕ

Я укрылась
под кроватью,
никто обо мне не вспомнил,
не улыбнулся...
Я одна дома,
и я не дома,
может, меня вспомнили.
За каждый мой грех
вешаю мокрый платок...
Я укрылась под своей кроватью,
а пламя горящего платка
как кошенильный червец.
Вспомни меня...
Улыбнись...
Я так соскучилась по твоим раскрытым ладоням.
Знакомая рубаша с незнакомым запахом духов.
Помятые брюки.
Сожги всё с моими платками.
Пламя – это наше сегодня.

Я ОДНА

Кажется, растеряла всех.
Город
сучает по мне.
Город
нашел меня.
А я
теряю обретенное.

* * *

Пламя - холод,
Солнце – одиночество,
смешно...
От строк, плавающих в чашке,
не все спасаются... ручкой.
Где остались мои книги,
дарившие улыбку.
Постоянная суета...
Рыбы не просто плавают –
они осмысливают воду,
как шаг человека – путь.
Знаю, всё бессмысленно.
Но не оскорбляй меня...
Ангелы не спасение для души.
Потеряла себя

в самой счастливой вазе сердца...
Задумывался ли продавец цветов,
что в букете есть цветы,
вянущие от неприятия того, кто рядом.
В книжных магазинах в дорогих обложках
продаются слёзы.
У меня нет денег –
еле закрываю проценты ломбарда.
Счастливым момент
безвременья.
Ничего не изменилось –
и улица та же,
и те же воспоминания детства,
но тоска
выруливает к другим берегам.

* * *

Мама говорила:
«Держись подальше от нечистых вод!»
Смотрю на озеро,
ставшее чистилищем...
Постепенно мой взгляд мутнеет.

* * *

Храним с тобой
незабываемое воспоминание –
это «шестое»
время года.

ДУША

Женскую натуру
сотворил художник –
без кисти,
без красок,
без полотна...

ВЕТЕР

Дует ветер...
И в моём сердце пульсирует рассерженность,
Час... Который час...
Солнцу осталось две минуты.
Индивидуальная погода.
Сейчас и облака по заказу.
Не говоря уже о любви.

ГРУСТНО

Все умрут.
Всё разлетится в пух и прах.
И ничего не вспомнить.
Пристально смотрю в твои
глаза:
ничего не говорящий взгляд –
тёплый...
теплее...
Беспрестанно повторяю:
– Все умрут,
никто не останется,

чтобы плакать.
– Любовь останется,
чтобы всё начать сначала.

РАЗДУМЬЕ

Часто задумываюсь:
небо держит звёзды
или звёзды небо.
Чему верить:
твоим глазам или сказкам.

МОЯ МАМА

Мой дом – не мой дом,
мой дом – улыбка моей матери,
её сон,
её сердце.
Ладонь мамы – моя ненаписанная песня,
всегда открытая на столе,
мой путь –
в ладони матери.
Моя мама – любовь,
тоска,
родина,
аромат...
Поцелуй
принёс беспечный ручей
в подарок недосыгаемому небу...

ТЫ И Я

Я держу твою руку,
искупаю и свои, и твои грехи,
а ты, улыбаясь,
молчишь
и думаешь:
откуда знает цветок,
что сейчас весна, и он должен улыбаться.

НОВОГОДНИЕ НОЧИ

Когда вспоминаешь прошлое (1-ая ночь)
У звёзд в лунный час
необходимое условие –
забытая опасность...
Прыжок с дальнего и безопасного места,
обрывок воспоминаний...
побег к счастью...
постоянные встречи
на улице, у двери... везде.
Иной свет, который ждали
в другое утро.
Не повторяться во встречах
и не встречаться,
повторяясь.

Будущее кажется прекрасным (2-ая ночь)
...может, задыхаясь в море своей мечты,
ты выбросишь на берег мой сон.
Воссоздам его

по своему подобию.
Тайно,
в слепом и бездыханном мраке,
вскрикнешь, что не воскресну
из глубины твоих влажных глаз,
как безжизненный луч надежды...
Ты – ночной кошмар в жизни,
которую я должна выдумать.

Все то же самое... (3-я ночь)
На три ступеньки выше
от мечты –
сквозь трещины хачкаров
просачиваются бесплотные тени.
На три ступеньки выше –
растрескавшаяся от жажды земля
прорастает кровью.
На три ступеньки выше –
сгорают загрубевшие деревья,
с их ветвей
капает молитва и несказанное слово.
На три ступеньки выше –
всё заканчивается,
становится эфирным, бесплотным...
На три ступеньки – спустись!

Когда Новый год закончился
(воспоминание)
Воспоминание мое держу в забвении.
Сегодня, когда оно может породить тоску,
чувствую, что
моё тело становится теплее
моих слёз.

* * *

Продолжаю выдумывать истории,
чертить жесты,
а небо становится сухим
после дождей и солнечных дней...
Я себе подсказываю: «Не вспоминай никого!»

ЖИЗНЬ КОРОТКА

Жизнь слишком коротка,
чтобы долго терпеть.
Столь коротка,
что муравей боится
долгого путешествия,
бабочка ужасается
угасания на одном цветке
(нужно облететь все),
мышь отказывается от сыра,
боясь угодить в мышеловку.
Жизнь так коротка,
что зачастую сон
кажется жизнью.
Я боюсь проснуться.

Соседи

АЗЕРБАЙДЖАН

Тюлюш АТАММЕДОВА

ПЛАТЬЕ ДЛЯ ЕВЫ

«Жара... Жжет солнце, марево над городом. Воздух вязок и осязаем, словно желе. И все это усугубляется неумейной активностью человечков-муравьев. С раннего утра до поздней ночи на улицах города строят, разрушают, опять строят, чистят, мусорят, опять чистят. Сверхактивность людей в союзе со сверхактивностью солнца породила фантастический смог, в котором плавают люди, машины, редкие деревья. Они еще видят друг друга, но некоторые из них понимают, что совсем недолго осталось до мгновения, когда все погрузится во мрак. И наступит вечная ночь, где фонари будут гореть на улицах круглые сутки, а редкие люди, отважившиеся выйти на улицы города, будут носить респираторы (а самые осторожные наденут противогазы). Возможно, все это будет выглядеть не так страшно, учитывая законы рыночной экономики: тут же придумают разноцветные респираторы с забавными наклейками – кокетливые, серьезные, дорожные из натуральных материалов, дешевые из полимерной сетки. И, конечно, все укутается с ног до головы. Вряд ли кто захочет подставлять свое тело под прямые убийственные лучи солнца и взвесь цемента, каменной пыли, азота и хлора – сегодня основных составляющих городского воздуха. Выход в город станет по-настоящему опасным приключением.»

Странные эти мысли возникли у Гюнель, в это утро наведавшейся в магазин тканей. Она хотела купить отрез для своего будущего наряда, с интересом перебирала разные ткани, радуясь их многообразию. Увидела то, что искала и подошла к продавцу. Не успела она обратиться к нему, как вдруг из-за спины услышала женский голос:

- Mən sizdən əvvəl gəldim. O mənə qulluq eləməlidir.*

Обернулась и застыла. (Вот тогда и нахлынули потоком сознания мысли о жаре, респираторах.) Несмотря на августовскую жару, женщина была с головы до ног укутана в черную плотную чадру. Открытыми у женщины оставались только глаза и брови. Ноги в черных закрытых ботинках, кисти рук в черных кожаных перчатках. Гюнель продолжала в упор глазеть на черную женщину, осознавая, что ведет себя не лучшим образом. Женщина говорила по-азербайджански с легким акцентом. Гюнель обратила внимание на брови незнакомки цвета выгоревшей соломы и светло-голубые водянистые глаза. Продавец улыбнулся Гюнель, всем видом своим объясняя, что не

обслужить даму, одетую строго по законам шариата, просто невозможно. Гюнель не возмутилась, ей стало любопытно, какую ткань выберет женщина. Светло-салатовый поплин в веселенький цветочек – таков был выбор черной женщины. Гюнель дождалась, когда продавец завернет покупку, и только тогда попросила достать ей черную прошву. Внезапно женщина в чадре повернулась к Гюнель и сказала по-русски:

– Вам не пойдет черный цвет!.. Вы смуглая, черноглазая, вам нужны яркие цвета: оранжевый, белый, голубой, – любой, только не черный.

Гюнель взяла оторопь: чтобы женщина, спеленатая на манер египетской мумии, вдруг стала давать ей советы – такого с Гюнель еще не случалось. Она не нашлась, что ответить, просто неопределенно пожала плечами... А женщина в чадре, видимо, вспомнив, что ношение чадры предполагает определенный стиль поведения, поспешно вышла из магазина.

После кондиционированного воздуха магазина улица оглушала, одуряла. Гюнель смотрела по сторонам. На улицах города все больше женщин, одетых согласно мусульманским традициям. Покрытые платками, в длинных платьях с длинными рукавами или в туниках с брюками – главное, чтобы не видно было обнаженного тела. Когда Гюнель училась в институте, ее любимая учительница по-своему объясняла связь между высокой рождаемостью в мусульманских странах и одеждой женщин. «Посмотри, как падает рождаемость в западных странах. А знаешь почему? Потому, что женщины раздеты!.. Не осталось никакой тайны! Все и так напоказ! У мужчины не возникает сексуального желания. А в восточных странах – она показала только кисть руки, и он уже загорелся!.. В одной из арабских сказок герой влюбляется в женскую кисть, находит ее хозяйку и женится на ней!..» Гюнель снова вернулась мыслями к черной женщине: «В такую жару эта несчастная несет на себе тяжелые одежды, совсем не облегчающие, а, наоборот, сильно усложняющие ее существование. И так ли уж обязательно, чтобы мужчина сразу загорелся? Пусть тлеет потихоньку...»

Жара, завоевавшая город, выгнала городских жителей, в том числе, и Гюнель с подругой к морю. Кто приехал на машине, а кто и в переполненных автобусах. Гюнель повезло – ее подруга недавно купила автомобиль, и они с комфортом добрались до пляжа. На берегу – почти что картинка из гламурного журнала. Тоненькие ниточки на девичьих телах вперемежку с броней цельных купальников располневших мамаш. «Интересно, как бы выглядела та женщина в черном в такой ситуации?..» задалась вопросом Гюнель, и тут же ответила сама себе: «В такую ситуацию она попасть не может. Такие дамы не ездят на море. Или, может быть, глубокой ночью, когда никто не видит их «небесной» красоты.»

...Закрыв глаза, Гюнель наслаждалась шумом моря, легким ветерком.

– Ты никогда не рассказывала мне о других морях – тебе же удалось повидать другие страны, – голос подруги вывел ее из состояния дремы.

– Доживешь до моего преклонного возраста, и тебе

*«Я пришла раньше Вас. Он должен меня обслужить» (азерб.)

будет, что рассказать, – засмеялась Гюнель.

– Преклонный возраст – это когда перед тобой преклоняются? – хитро улыбнулась подруга.

– Нет, милая, это когда склоняться начинаешь ты...

И совершенно неожиданно она вспомнила невероятную историю, приключившуюся с ней давно, когда все еще жили в большом едином государстве. Она даже помнила год. Да, да это был 1985 год, когда она, совсем юная, поехала в Прибалтику. Вспомнила свое удивление, увидев в первый раз ухоженные частные дома, не обнесенные высоченной «китайской» стеной, палисадники с цветами, кафе с удивительным запахом свежего кофе и сдобы. Она пересмотрела множество местных чудес. Не попала только в стриптиз-бар, бывший большой редкостью для пуританского Союза. Не попала по той причине, что ей не захотелось маяться в длинной очереди желающих приобщиться к западному свободомыслию.

– Я вспомнила один случай, и в самом деле необычный. Сейчас расскажу. Знаешь, Балтийское море в отличие от Каспийского – холодное...

– Знаю, помню из школьного курса географии.

– Ну, слушай. В Паланге, кроме музея янтаря, очень хорошие пляжи. Я была там в августе, но так случилось, что температура воздуха не поднималась выше 18 градусов. Для меня, южанки, холодно. Вот и одевалась соответствующим образом, чтобы не простудиться. У меня есть фото, но я и так помню, что ходила я в ярко-красном шерстяном свитере и в коричневых бриджах, на ногах туфли-«балетки». Я вообще очень люблю гулять, а тем более, в небольшом симпатичном городке, где все можно обойти пешком. В тот день мне захотелось пойти к морю. Не для того, чтобы искупаться, понятное дело, а просто посмотреть на Балтийское море. Мои подруги спали после ночной дискотеки, и я отправилась на прогулку одна. Ты знаешь, как я ориентируюсь на местности. Один мой знакомый назвал мой недостаток «врожденным женским идиотизмом». Я даже не обиделась тогда, но сейчас понимаю, как он был неправ. Глядя, как ты лихо водишь машину и как замечательно ориентируешься в любом месте, я понимаю, что это мой персональный идиотизм в этом конкретном вопросе. Естественно, я спросила у прохожего, как пройти на пляж. Молодой человек окинул меня взглядом, усмехнулся, видимо, мой свитер вызвал у него такую реакцию, и показал, куда мне идти. Прямо, никуда не сворачивая. Позднее мне стало понятно, почему он так ехидно улыбнулся... Ты не хочешь, ни о чем меня спросить? – обратилась Гюнель к подруге.

– Не хочу, ты так рассказываешь, что я себе уже представила детективную историю, и мне не хочется тебя прерывать.

– К счастью, в этой истории нет ничего криминального, она просто забавная. И вот, как говорит моя дочь, я слышу шум моря, но еще не вижу его. Мне навстречу выходят несколько человек, видимо, из тех, кто был на пляже. Обычные люди, но только обнаженные, голые, если хочешь, и притом еще разнополые. Я иду дальше. Мало ли?... Может, это сторонники какой-нибудь секты! Выхожу на берег.

Море – серо-жемчужное, громадные волны. Ощущение такое, что это не море, а бушующий, сердитый на что-то океан. И что, если ты осмелишься войти в него, то оно обязательно попробует проглотить тебя. Я видела только море, не могла отвести глаз... Когда насытилась его грозным видом, оглянулась вокруг. И что ты думаешь?..

Гюнель сделала эффектную паузу, как опытный конференсье, заранее предвкушая реакцию слушателей.

– Вокруг меня было полно народу. Обоих полов и всех возрастов, и самое удивительное – все они были в чем мать родила. В костюме Адама и Евы!.. Все!.. Мужчины, женщины, дети, старики и старухи. Учти, эти люди не были аборигенами, затерянными в австралийских джунглях и незнакомые с цивилизованным обществом. Нет!.. Это были местные аборигены, коренные жители. А теперь угадай, на кого все пялились больше всего?

– На тебя!!! – восхищенно выдохнула подруга.

– Вот именно!.. Они все уставились на мой красный свитер. Вот когда я поняла, что значит выражение «красная тряпка для быка». Все до единого уставились на меня, словно я у них на глазах выбралась из инопланетной тарелки. Я тоже решила воспользоваться случаем, чтобы получше разглядеть разнообразие людских типажей, в первоизданном виде. Их роднила масть – почти все были светлые, светлоглазые, русые (ну, и седые попадались). А сложение – разное. И самое забавное, у меня не возникло ни одной мысли о сексе. Ни единой. Долго там находиться мне не захотелось, признаюсь, я чувствовала себя неудобно. Я ушла.

– И что это был за пляж?

– Нудистский пляж, сейчас это вполне обычное явление, особенно для Европы, а вот тогда, совсем другое дело. Но я совершенно не была шокирована. Просто подумала, что во всем должна быть мера. К тому же я не сторонник массовых акций.

– Я знаю, ты у нас заядлый индивидуалист...

Подруги вернулись в город, когда стемнело. Город продолжал угнетать своих вассалов- жителей своей гиперактивностью, приносящей всем больше вреда, чем пользы. Несмотря на жару, все больше людей носило закрытую одежду. Гюнель вспомнила арабов, чья одежда состояла из длинных закрытых платьев и замысловатых головных уборов, независимо от пола. Совет «черной женщины» не выходил у нее из головы. Загоревшая Гюнель оделась в оранжевое.

... В последнее воскресенье лета, когда сумерки окутали город, Гюнель сидела на террасе кафе в ожидании подруги. Ела мороженое и с любопытством разглядывала пеструю толпу, пытаясь определить по одежде образ жизни, настроение людей. Занятие настолько захватило ее, что она не сразу отреагировала на реплику в свой адрес:

– Я же говорила, что оранжевый Вам к лицу...

Гюнель обернулась и застыла в изумлении. Прямо на нее шла длинноногая светловолосая голубоглазая красавица в легком поплиновом сарафане салатного цвета в веселенький цветочек. Поравнявшись с Гюнель, она хитро подмигнула ей и гордо проплыла мимо.

XX ВЕК**Николай РУБЦОВ**

Николай РУБЦОВ родился в 1936 г. в селе Емецк Холмогорского района Северного края (ныне Архангельской области). В 1940 г. переехал вместе со своей многочисленной семьёй в Вологду, где Рубцовых и застала война. Вскоре умерла мать Рубцова, и детей распределили в интернаты. С октября 1943 г. и до июня 1950 г. Николай жил и учился в Никольском детском доме, где он окончил семь классов школы.

В автобиографии поэт пишет, что отец ушёл на фронт и погиб в том же 1941 г. Но на самом деле Михаил Андрианович Рубцов (1900 – 1962) выжил и после войны женился вторично, оставив собственных детей от первого брака в интернате, жил в Вологде. Николай написал эти строки в своей биографии, как бы желая забыть о своём отце, который не пожелал найти своего сына и взять его к себе после возвращения с фронта... Далее будущий поэт учился в Тотемском лесотехническом техникуме, затем в горно-химическом техникуме Минхимпрома в г. Кировск (Мурманская область). Здесь в то же время оканчивал школу другой детдомовец и будущий известный писатель – Венедикт Ерофеев. С 1955 по 1959 г. проходил армейскую службу на Северном флоте (в звании матроса и старшего матроса). После демобилизации жил в Ленинграде, работая попеременно слесарем, кочегаром и шихтовщиком на Кировском заводе.

Рубцов начинает заниматься в литобъединении «Нарвская застава», знакомится с молодыми ленинградскими поэтами Глебом Горбовским, Константином Кузьминским, Эдуардом Шнейдерманом. В июле 1962 г. с помощью Бориса Тайгина выпускает свой первый машинописный сборник «Волны и скалы».

В августе 1962 г. Рубцов поступает в Литературный институт им. М. Горького и знакомится с Владимиром Соколовым, Станиславом Куняевым, Вадимом Кожинным и другими литераторами, чьё дружеское участие не раз помогало ему и в творчестве, и в делах по изданию стихов. С пребыванием в институте вскоре возникли проблемы, однако поэт продолжает писать, и в середине 1960-х у него выходят первые сборники.

В 1969 г. Рубцов закончил Литературный институт и был принят в штат газеты «Вологодский комсомолец».

В 1968 г. литературные заслуги Рубцова получили официальное признание, и ему в Вологде была выделена однокомнатная квартира в пятиэтажном доме на улице, названной именем другого вологодского поэта – Александра Яшина. В этом жилище через три

года трагически оборвалась жизнь Рубцова

Погиб 19 января 1971 г. в своей квартире, в результате бытовой ссоры с библиотекарем и начинающей поэтессой Людмилой Дербиной (Грановской), на которой собирался жениться (8 января они подали документы в ЗАГС). Судебным следствием установлено, что смерть имела насильственный характер, наступила в результате удушения – механической асфиксии от сдавливания органов шеи руками. Возлюбленная Рубцова в своих воспоминаниях и интервью, описывая роковой момент, утверждает, что произошёл инфаркт – «сердце просто у него не выдержало, когда мы сцепились». Дербина была признана виновной в убийстве Рубцова, осуждена на 8 лет, досрочно освобождена почти через 6 лет, по состоянию на 2013 год живёт в Вельске, виноватой себя не считает и надеется на посмертную реабилитацию.

Биографы упоминают о стихотворении Рубцова «Я умру в крещенские морозы», как о предсказании даты собственной смерти. В Вологодском музее Н. Рубцова хранится завещание поэта, найденное после смерти: «Похороните меня там, где похоронен Батюшков*» Похоронен поэт в Вологде на Пошехонском кладбище.

Николай Рубцов – автор 9 стихотворных сборников: «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Стихотворения. 1953 – 1971» (1977), «Зелёные цветы», М., 1971; «Последний пароход», М., 1973, «Избранная лирика», Вологда, 1974; «Подорожники», М., 1975.

Писатель Фёдор Абрамов называл Рубцова блистательной надеждой русской поэзии.

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ**ПАМЯТНИКИ**

В Вологде (1998), в Тотьме (1985), в Емецке (2004). В Череповце установлен бюст Н. Рубцова (1998).

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ

В 2001 году в Петербурге на здании заводоуправления Кировского завода установлена мраморная мемориальная доска, со знаменитым кличем поэта: «Россия! Русь! Храни себя, храни!».

УЛИЦЫ

Именем Николая Рубцова названы улицы в Вологде, в селе Никольском, в Дубровке и в г. Всеволожске.

* *Константин Батюшков похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре, в пяти верстах от Вологды.*

ШКОЛЫ

Именем поэта названы средние школы в г. Емецке и в селе Никольском.

МУЗЕИ

В Вологде существует музей «Литература. Искусство. Век XX» (филиал Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника), посвящённый творчеству Валерия Гаврилина и Николая Рубцова.

Емецкий краеведческий музей им. Н. М. Рубцова.

В селе Никольском на улице Н. Рубцова открыт дом-музей поэта (в здании бывшего детского дома). На фасаде – мемориальная доска.

БИБЛИОТЕКИ

В 1998 г. имя поэта присвоено петербургской библиотеке № 5. В библиотеке им. Николая Рубцова работает литературный музей «Николай Рубцов: стихи и судьба». Ежедневно в стенах библиотеки проводятся экскурсии по литературному музею, демонстрируется художественно-документальный фильм «Поэт Николай Рубцов», действует литературный салон в рубцовой гостиной.

В Вологде есть библиотека им. Рубцова.

ЦЕНТРЫ

В 2011 г. в Доме знаний г. Череповца открылся литературно-краеведческий Центр Николая Рубцова. В нём воссоздана квартира Галины Рубцовой-Шведовой, сестры поэта, у которой он часто бывал, приезжая в Череповец. В Центре проводятся литературно-музыкальные вечера и ведётся научно-исследовательская работа, связанная с биографией и творчеством Рубцова.

Рубцовские центры действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Кирове, Уфе.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

ЗЕЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь чего-то не хватает.
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся тихие, светятся чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное – все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле
заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды
потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В.Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

– Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.

Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать –
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился,
покой!
Взметая снег, завыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, – о, километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?

ПРАЗДНИК В ПОСЕЛКЕ

Сколько водки выпито!
Сколько стекол выбито!
Сколько средств закошено!
Сколько женщин брошено!
Чьи-то дети плакали,
Где-то финки звякали...

Эх, сивуха сивая!
Жизнь была... красивая!

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрнул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

СТОИТ ЖАРА

Стоит жара. Летают мухи.
Под знойным небом чахнет сад.
У церкви сонные старухи
Толкуются, бредят, верещат.

Смотрю угрюмо на калеку,
Соображаю, как же так –
Я дать не в силах человеку
Ему положенный пятак?

И как же так, что я все реже
Волнуюсь, плачу и люблю?
Как будто сам я тоже сплю
И в этом сне тревожно брежу...

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,

Из соседних явившись земель,
 Это дивное диво возвысил
 До черты, не бывалой досель...
 Неподвижно стояли деревья,
 И ромашки белели во мгле,
 И казалась мне эта деревня
 Чем-то самым святым на земле...

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретила в кустах.
 И вздрогнул я. А было поздно.
 В любой воде таился страх,
 В любом сарае сенокосном...
 Зачем она в такой глуши
 Явилась мне в такую пору?
 Мы были две живых души,
 Но не способных к разговору.
 Мы были разных два лица,
 Хотя имели по два глаза.
 Мы жутко так, не до конца,
 Переглянулись по два раза.
 И я спешил – признаюсь вам –
 С одною мыслью к домочадцам:
 Что лучше разным существам
 В местах тревожных –
 не встречаться!

ХЛЕБ

Положил в котомку
 сыр, печенье,
 Положил для роскоши миндаль.
 Хлеб не взял.
 – Ведь это же мученье
 Волочиться с ним в такую даль! –
 Все же бабка
 сунула краюху!
 Все на свете зная наперед,
 Так сказала:
 – Слушайся старуху!
 Хлеб, родимый, сам себя несет...

* * *

«Чудный месяц плывет над рекою», –
 Где-то голос поет молодой.
 И над родиной, полной покоя,
 Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
 И не мыслят пожары зажечь,
 Не кричит сумасшедшая птица,
 Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших
 Не встают, не подходят ко мне.
 И, тоскуя все меньше и меньше,
 Словно бог, я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
 Что на ветках мерцает роса,
 И над родиной, полной покоя,
 Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
 Словно скачут на тройках гонцы,
 И в глуши задремавшего бора
 Все звенят и звенят бубенцы...

ШУМИТ КАТУНЬ

В. Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
 Когда во мгле горел закатный
 пламень!
 Лицом к реке садился я на камень
 И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
 Катунь неслась широкою лавиной,
 И кто-то древней клинописью птиц
 Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь – свирепая река!
 Поет она таинственные мифы
 О том, как шли воинственные
 скифы, –
 Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
 Над целым миром солнце затмевала,
 И черный дым летел за перевалы
 К стоянкам светлых
 русских деревень...

Все поглотил столетний темный зев!
 И все в просторе сказочно-огнистом
 Бежит Катунь с рыданием
 и свистом –
 Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
 Заснут во мгле печальные айлы,
 Молчат цветы, безмолвствуют
 могилы,
 И только слышно, как шумит
 Катунь...

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ

Под ветвями плакучих деревьев
 В чистых окнах больничных палат
 Выткан весь из пурпуровых перьев
 Для кого-то последний закат...
 Вроде крепок, как свеженький овощ,
 Человек, и легка его жизнь, –
 Вдруг проносится «скорая помощь»,
 И сирена кричит: «Расступись!»
 Вот и я на больничном покое.
 И такие мне речи поют,
 Что грешно за участие такое
 Не влюбиться в больничный уют!
 В светлый вечер под музыку Грига
 В тихой роще больничных берез
 Я бы умер, наверно, без крика,
 Но не смог бы, наверно, без слез...
 Нет, не все, – говорю, – пролетело!
 Посильней мы и этой беды!
 Значит, самое милое дело –
 Это выпить немного воды,
 Посвистеть на манер канарейки
 И подумать о жизни всерьез
 На какой-нибудь старой скамейке
 Под ветвями больничных берез...

* * *

В горнице моей светло.
 Это от ночной звезды.
 Матушка возьмет ведро,
 Молча принесет воды...

Красные цветы мои
 В садике завяли все.
 Лодка на речной мели
 Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
 Ивы кружевная тень,
 Завтра у меня под ней
 Будет хлопотливый день!

С грузинского

Тамири ТХАКАДЗЕ

Я, УЛИТКА

Иногда мне кажется, что я одна такая... единственная и неповторимая. Что под синим небом нет никого, такого же неповторимого... среди четвероногих, двуногих и даже безногих. Ведь я улитка. И я взяла на себя... взяла на себя что-то такое, чего бы никто... чего бы никогда...

О Господи, как трогательна эта трепещущая прозрачная зелень!..

Ползу куда-то... в никуда... Просто ползу и чувствую на спине то, что взвалил на меня Ты, Господи, – мой дом! Мою крепость! Мою тяжёлую, но дорогую ношу... такую тяжёлую!.. и такую дорогую!.. И ползу я, Господи, оставляя след... И этим Ты выделил меня среди остальных. Ползу со своей тяжёлой и дорогой ношей и оставляю за собой след, и все знают, что здесь проползла я и оставила блестящий и тонкий, едва заметный след, весёлый... и печальный в то же время.

А наверху повсюду небо. Большое и синее. Я способна увидеть только малюсенькую его часть, потому что не могу поднять голову... только глазами ворочаю изо всех сил, но получается смотреть не вверх, а вперёд, вдаль, и вижу только скопившуюся синеву, надо мной же шелестят ветвями огромные деревья, и летают птицы... Но солнце... Господи, велико бремя, возложенное Тобой на мои плечи! Так велико, что вот-вот меня раздавит... И ведь сколько всего я не видела, не ощущала всего того, что есть там... где нет меня.

О том, где находится солнце, приходится лишь догадываться... определять по длине и густоте теней... и ещё – иногда я нахожу в лужах осколки красного диска и воспламенившиеся облака.

Мне хочется сказать тебе всё, Господи! Именно сейчас, когда сверху опустилась огромная полоса золотистого света, я прижимаюсь к земле, затаившая дыхание и укутанная тёплым туманом, и ощущаю Твое присутствие в самой непосредственной близости от меня... может даже, в этих поблёскивающих каплях росы.

Грешна я, Господи!..

Даже не знаю, с чего начать...

Я улитка, и на то Твоя воля. По велению Твоему ношу на спине мой собственный дом. Или, может, всё то – что люди называют родиной? Вот не понимаю

я, Господи, если эта самая раковина – мой дом, то, выходит, всё, что вокруг – родина, но, если она, раковина, – родина, так ведь остальное – вселенная? И неужели в этой огромной вселенной я оставляю хоть какой-то след? И разве это не удивительно и не навеивает лёгкую улыбку?..

Господи! Я знаю, что должна, не ропща, нести свою ношу! Не ропща, с лёгкостью... Но иногда... прости меня, Господи, иногда такая грусть, такая тоска охватывает душу, что хочется вылезти из вечных недр моей раковины и помчаться прочь, затеряться в пространстве, устремившись ввысь, в бесконечную и всепоглощающую синеву, забыться и забыть про дом, где-то вдалеке утопающий в ароматной куче сырых листьев.

Однажды...

Видишь, Господи, я ничего не скрываю...

Однажды я так и сделала... Стояла лунная ночь – затаившаяся, соблазнительная, странная, полная таинственных звуков и шорохов. Я смотрела на луну, медленно покачивающуюся на тёмном дне лужи посреди травы и камешков. Она будто призывала меня пойти побродить по свету, узнать другой мир... То там, то здесь, словно драконы, хлопали крыльями летучие мыши, и ужасающим голосом кричала сова в глубокой, страшной тьме, а я, вместо того, чтобы укрыться – не знаю – в доме ли, на родине или в себе, почувствовала безумное и непреодолимое желание бежать от всего этого... Ну, разве не смешно, Господи? Улитка и вдруг непреодолимое желание бежать...

Но оно, это желание, охватило моё сердце с безудержной силой! И мне даже захотелось шумно и с демонической силой полететь, как летучая мышь, и врезаться в полную странного свиста и леденящего душу совиного переклика тьму... Хотя почему же тьму? На гладкой и отливающей чернотой поверхности лужи плавала луна, и её бледный свет делал всё вокруг похожим не притихшее и печальное кладбище... Туда мне и хотелось, Господи, – в компанию странных колеблющихся теней, непроходимую чащу неизвестности... неизведанный водоворот приключений!

Но на спине... на моей спине стоял дом, дарованный мне Тобой, мой удел, за который я держусь так же, как он – на мне!..

Где-то, далеко или близко, кипела сумасшедшая ночная жизнь... Полная дикого рёва, страстного воя, бешеного рычания и даже напряжённой, трепещущей тишины. Вот на что я хотела променять уют, воздвигнутый на моей спине ещё при сотворении мира! Думала свои мысли, колышущиеся, как оборванные пряди паутины... Думала, что убегу... далеко, очень далеко! Туда, где всё увижу, всё почувствую! Где перевернусь на спину и посмотрю на небо, луну, звёзды, и по моей груди пробегут огромные тени чёрных летучих мышей, и я увижу, как сорвётся с неба

звезда и, взорвавшись, посыплется блестящей цветной пылью... Знаешь, Господи, мне даже больше не хотелось оставлять за собой след! Пусть бы никто и не узнал, что я была здесь. Я ведь стремилась смешаться с огромными таинствами вселенной и стать хотя бы небольшой, но тоже тайной...

Понял ли Ты меня, понял ли Ты мои желания? Бежать, бежать как можно скорее!

И в то же время, со слезами на глазах думалось мне, что уже столько времени я живу так, как живу, ношу на спине дарованный мне Богом, а может, присуждённый в качестве наказания, этот груз, мой дом... Всё, что у меня есть... а сейчас я словно предаю его...

Думалось мне, что именно он, этот дом, эта моя сладость, давит на меня, сковывает и заставляет ползти слишком медленно, но как только смогу вылезти отсюда, – тогда уже всё, свобода! Полечу, помчусь быстрее ветра! Легче ветра! Главное, не оглядываться назад и не видеть оставленное и опустевшее э т о... да, это, – мой дворец, тюрьму... не видеть, как это останется печальным и без единой надежды, едва озарённое бледным лунным светом. Думала: всё, я свободна!! Весь этот огромный мир теперь принадлежит мне! А я ему!! Растворюсь в нём, затеряюсь вместе с моим жалким, смешным следом! А потом – потом взойдёт солнце! И я увижу уже не золотистые осколки в луже, а познаю его целиком и предамся могущественному свету... Главное, не вспоминать о т о м, что называлось моим... не иметь ничего моего... вернее – теперь всё должно стать м о и м! Весь мир, вся свобода, вся жизнь и даже сама смерть во всей полноте... Моё – на этот раз будет огромным, необъятным, а не тяжёлой и сладкой темницей.

Выслушай меня, Господи! Ты где-то здесь, ведь так? Совсем близко... Может, Ты весь в золотистом тёплом тумане, обвивающем меня и волнуящем моё сердце, или в этой прохладной и ароматной земле, к которой я прильнула всем телом...

Выслушай, Господи...

В ту лунную ночь я предала Твою волю. Медленно, крадучись вылезла я из родных недр и без оглядки устремила вперёд, на пьянящую волю!

Я ползла сравнительно быстрее и легче, чем раньше, и всё, что под небом и даже само небо – всё принадлежало мне! Хотелось крикнуть: Эээй! Я здесь, я пришла!! И хотелось подставить себя под изливающийся серебром водопад лунного света и утонуть в нём... Хотелось обойти каждый отягчённый росой ночной цветок и поведать, что вот она я! Я совершенно свободна!! И пока даже не знаю, где меня застанут ночь или рассвет... И вот, я уже не ташу на себе свой кров, и я такая же бесприютная – как ветер или дождь...

А потом... потом я будто оказалась на большом бурном балу и потеряла голову в вихре событий, и

именно тогда, когда я уже собиралась наречь своё существование по-новому, именно тогда, Господи, мне вдруг стало тоскливо, и моя спина, на которой вот-вот должны были вырасти крылья, вдруг осиротело заныла...

И я сразу как-то отяжелела, Господи. Медленно, почти придавленная к земле, я продолжила свой путь, а вокруг сыпались тонкие и блестящие, как лёд, осколки моей мечты... Я задыхалась среди этой огромной свободы... И с такой неожиданностью и болью почувствовала я отсутствие моей ноши, Господи! Её отсутствие давило на меня со всей силой, будто на мою спину навалилось нечто втрое тяжелее, и вдруг я поняла, что моя свобода как раз и заключается в моей неволе и что маленький дворец-темница порождает в душе мечты и легенды о свободе... ведь... ведь сама свобода – только её попробуешь – одна большая тюрьма... Но вот я забеспокоилась, заметалась: где он, мой дом, как мне его найти, Господи? Найти то, что м о ё... с е б я...

Передо мной ли, за мной – но сияющий под лунным лучом след, оставленный мной, мой жалкий и смешной след, показывает мне путь. Хрупкой и мерцающей нитью вьётся он к моему прошлому и в то же время к будущему!.. Вот, вот мой дом!..

О, если бы ты знал, Господи, как я обрадовалась, завидев его, найдя и вернувшись в него. Вновь забравшись в родные недра и едва пристроив их на спине, я поняла, что это и есть мои крылья, несущие меня сквозь мечты.

Кажется, я всё сказала тебе, Господи. Теперь я знаю, что, убежав, ничего не добьёшься... только мечта убежать и значит что-то. И ещё знаю, что... хотя ты сам всё знаешь...

И вот я теперь ползу в изумрудную бесконечность, ползу с моей старой, старинной ношей, и я – это я... улитка.

Но когда-нибудь... опять...

Перевод с грузинского Анны ГРИГ

Тамри ПХАКАДЗЕ (1957) Окончила филфак ТГУ. Работала в отделе древнегрузинской литературы Института грузинской литературы им. Ш. Руставели. Кандидат филологических наук. С 2001 г. интенсивно печатается в грузинских литературных изданиях. Награждена несколькими литературными премиями Грузии, в том числе, Саба (2004) и премией Золотое Пёрышко за произведения для детей. Автор нескольких романов, повестей, трех сборников рассказов, одиннадцати детских книг и нескольких театральных постановок.

Сусанна АРМЕНИЯН

ЖИЛЬЦЫ (фрагменты)

Акирбур

3 НА ЮГЕ ТБИЛИСИ
ОДНАЖДЫ
ЖИЛ ВОСТОК
ОН
ПЕРЕМЕЩАЛСЯ С
ПЕРЕМЕННОЙ СКОРОСТЬЮ
НО
НИКАК НЕ ВЛИ
НЕ В
НЕ ВЛИ
НЕ ВЛИ ИА
НЕ ВЛИЯА

НЕ В

НА магнитную
СТРЕЛКУ
ПОЭТОМУ
ЕГО
ПРОЖИВАНЦЕ
ОСТАЛОСЬ
НЕЗАМЕЧЕННЫМ

ДЛЯ
БОЛЬШИНСТВА
ТБИЛИСЦЕВ
ЧТО
НЕ
ПРИВЕЛО
НИ
К
ЧЕМУ
ТАКОМУ
ОСОБЕННОМУ

4 ОДИН
СУМАСШЕДШИЙ
ДЯДЬКА
ЖИЛ
ВЕЗДЕ
ЛЮБИЛ
ВСЁ
И БЫЛ
ВАЩЕ
ЕГО

ПРЕСЛЕДОВАЛИ
ГЕНИАЛЬНЫЕ
ИДЕИ
НО ОН
ОТ НИХ

ВСЕГДА
УСПЕВАЛ
КАК-ТО
УЛАЗИТЬ!

В ЛИФТЕ
ОН
ПЕЛ
ПОДРАЖАЯ
ПАДУЩИМ
ЗВЁЗДАМ
ЭСТРАДЫ!
А В
КАРМАНАХ
У НЕГО
ШУРШАЛА
ЕДА

ГОВОРИЛИ, ЧТО
ЕСЛИ
ПРИТЯНУТЬ
ЕГО
ЗА
УШИ,

ТО МОЖНО
СМЕЛО
ЗАГАДЫВАТЬ
ПОСЛЕДНИЕ
ЖЕЛАНИЯ

ТОЧКА

5 МЕЖДУ
СТРОК
СТРОК
СТРОК
СТРОК
СТРОК
СТРОК
СТРОК
СТРОК

СТИХОТВОРЕНИЯ
НАПИСАННОГО
МЕЛОМ
НА
КИРПИЧНОЙ
СТЕНЕ
И
СМЫТОГО
КИСЛОТНЫМ
ДОЖДИКОМ
НЕ
ЖИЛ
НИКТО

НАТЮРАЖ

В СТАТУЕ
СДЕЛАННОЙ
ИЗ КУСКА
БРАКОВАННОГО
ВОСКА
И ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ
ОДНОГО
ИЗ
ЛЖЕ-БИТЛОВ

6
ЖИЛ
МАЛЕНЬКИЙ
ФЭНШУЙ
ПОТЕРЯВШИЙ
В БОЮ
ОДНОВРЕМЕННО
РОДОВУЮ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
И БЕЗГРАНИЧНОЕ
ЧУВСТВО
ОТВЕТСТВЕННОСТИ

7 НА ПОЛКЕ
ЗА
МНОГОТОМНЫМ
НАСЛЕДИЕМ
СОЧИМЕНКИЙ
ВЕЛИКОЛЕПНЕНЬКОГО
ПОЭТА-ОФНОЛЮБА
ЖИЛА
ЯЩЕРИЦА ФРИ
СТРАДАЮЩАЯ
СЕРДЦЕБОЛЬНЫМИ
ФРАКАТАМИ
ЕЕ
ВЗГЛЯД БЫЛ
ПОСТОЯННО
БЕГАЮЩИМ
ОНА ТАК, ВО ВСЯКОМ
НЕ
ПОПАДАЛАСЬ
В СИЛКИ
ОНА ОСТЕРЕГАЛАСЬ
ЧИСЛА
ЧЕТЫРЕ
ШЕСТНАДЦАТЬ
ИЗУЧАЛА
ОРНАМЕНТЫ

*100%
400%
свое, про нее говорили следующие*

В МЫЛЬНОЙ
ПЕНЕ
СТЕКАЮЩЕЙ
С ЛЕВОЙ
ЯГОДИЦЫ
ПОЛИТКОРРЕКТНОГО
ГРАЖДАНИНА
ЖИЛА
ЯЗВА
ЖЕЛУДКА
ПОХОЖАЯ
НА
ДЕТЕКТОР
СТЕКЛОВИДНОЙ
ФОРМОЧКИ
ДЛЯ
ВЫПЕКАНИЯ
НАРОДНОГО
ГНЕВА
НА
КОЛЕСИКАХ

11-А.

В СЛОВАРЕ
ЖАРГОНИЗМОВ
ЖИЛ
ПИРОЖОК
С СИЛЬФИДАМИ
ЗАКУТАННЫЙ
В КРЕПКИЙ
ОНОМАСТИЧЕСКИЙ
ШАРФ
ДЕСЯТЫМ
МАСТЕРОМ

ПОСТАПОКАЛИПСИСОМ
ВНЕДРЯЮЩИМ
НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
ВЯЛЕНИЯ
ВКУПЕ
С
ИЗОМЕТРИЧЕСКИМ
ВИЗГОМ
ОКРУГЛОСТЕЙ
МЫШЬЯКА

12.

НА
САМОЙ
ПОСЛЕДНЕЙ
ОТМЕТКЕ
НЕВРАСТЕНИИ
ЖИЛА
СТУПА
С

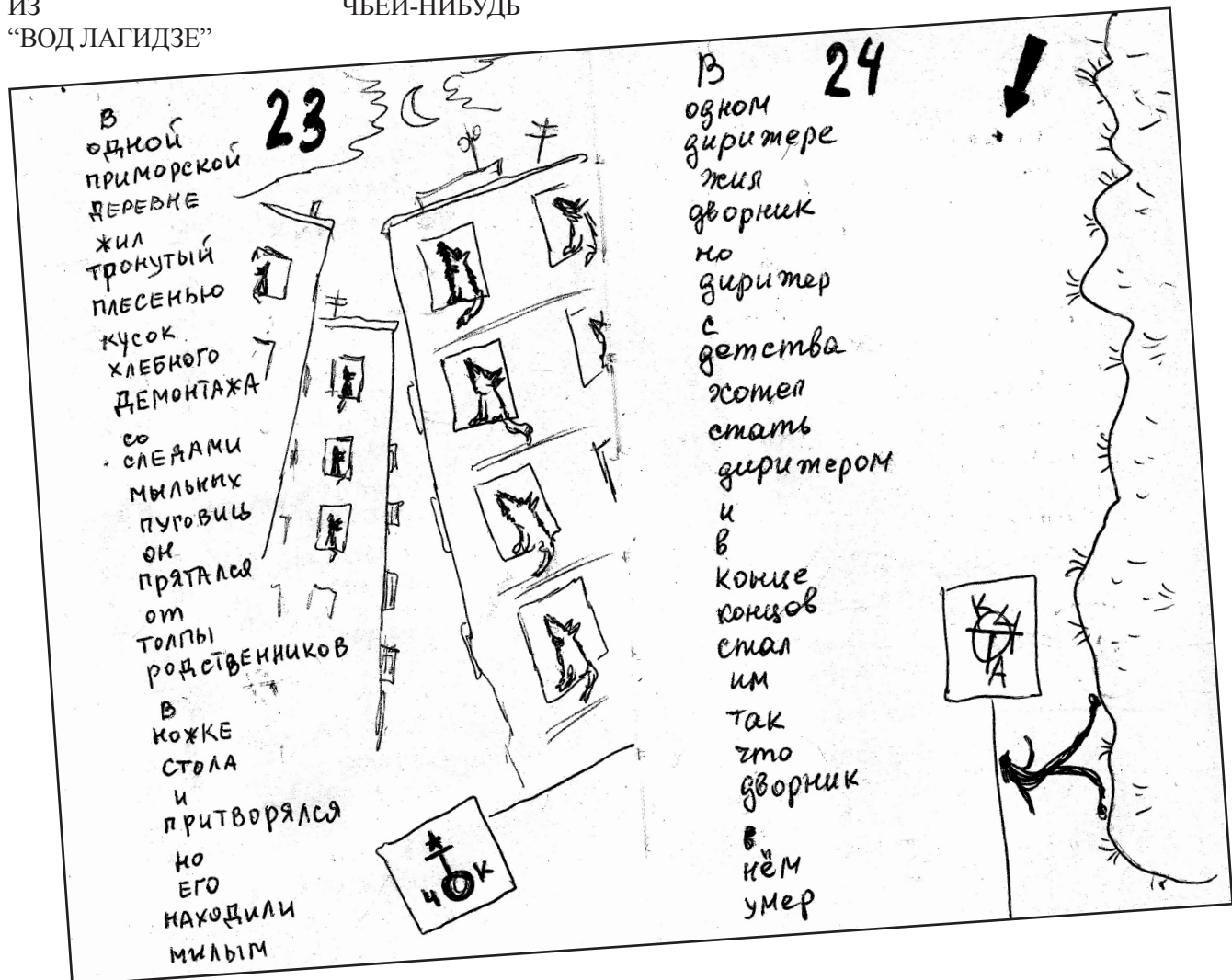
14.

ГДЕ-ТО
ЖИЛА
ЛЯГУШКА
ЖИЛА
СЕБЕ
И
ВСЁ
ТУТ

15.	ОН
БЫЛ
ДРУЖЕЛЮБЕН
ПРАВДОПОДОБЕН
СИЯТЕЛЕН
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ГИБЕЛИ
СИРОПА
ТЕПЛЯТСЯ
В
ЛЕТОПИСЯХ
ЛЕТУЧИХ
ГОЛЛАНДЦЕВ | ЩЕКЕ
ПОЩЕЧИНА

ОНА ГУЛЯЛА
ПО ЛИНИИ
ЖИЗНИ
И
ЧУВСТВОВАЛА
СЕБЯ
ХОРОШО | А СПАЛА
РАЗВАЛИВШИСЬ
НА
ВЕРХУШКЕ
СТОЛБА
ПОХРАПЫВАЯ

ДНЕМ
ЖЕ
БАБОЧКА
СЛЕЗАЛА
И СОГРЕВАЛАСЬ
КУЛЬТУРНОЙ
ХОДЬБОЙ |
| 16. | НА
ОДНОЙ ЛЕВОЙ
ЛАДОНИ
ЖИЛА
ТАК И
НЕ
НАШЕДШАЯ
ВОПЛОЩЕНИЯ
НА
ЧЬЕЙ-НИБУДЬ | 20. | 21. |
| В
ОДНОМ
БОЛГАРСКОМ
ПЕРЦЕ
ЖИЛ
СЛИВОЧНЫЙ
СИРОП
УБЕЖАВШИЙ
ИЗ
“ВОД ЛАГИДЗЕ” | | НА
ОДНОМ
ФОНАРНОМ
СТОЛБЕ
ЖИЛА
БАБОЧКА
КОТОРАЯ
НЕ
ПОРХАЛА
НОЧЬЮ
ВОКРУГ
ЛАМПОЧКИ | В ОДНОМ
ЯБЛОКЕ
ЖИЛО
ВТОРОЕ
ЯБЛОКО
ПРИТВОРЯСЬ
ВНУТРЕННИМ
ГОЛОСОМ |

30.

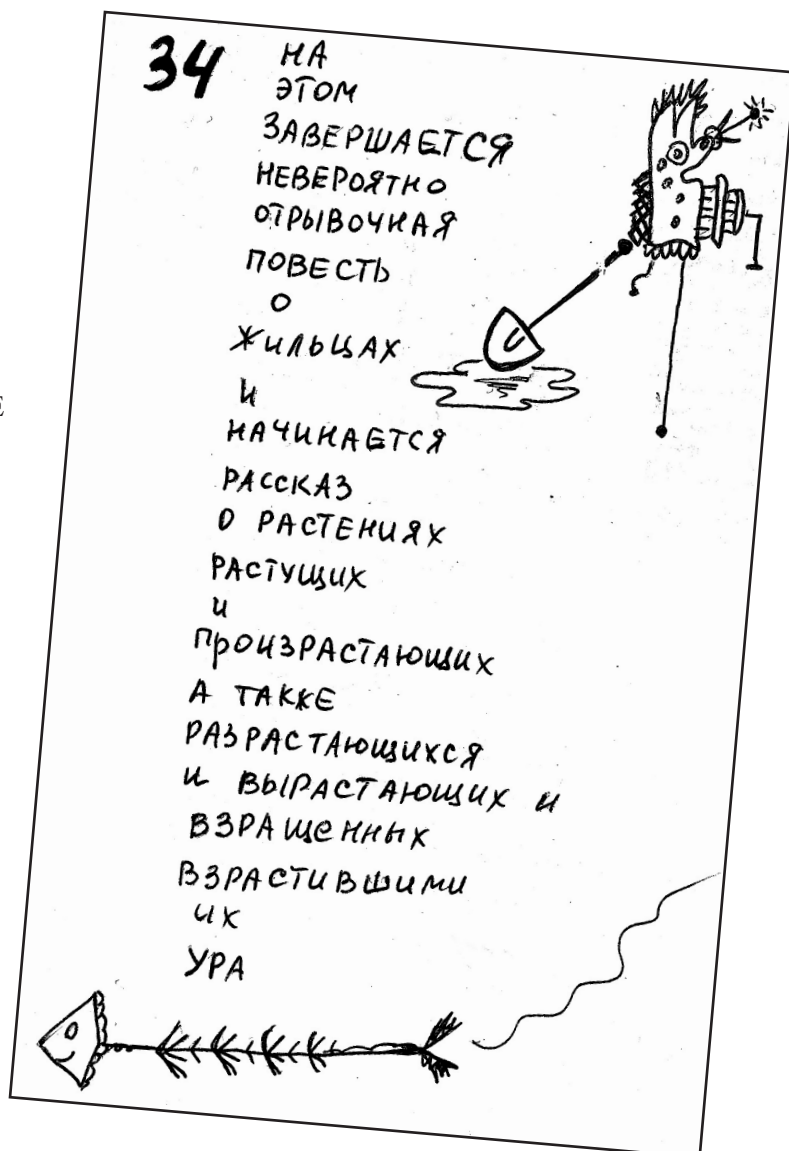
В
ИЗВЕСТКОВОЙ
КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИГРЕ
ЖИЛ
ОГНЕННЫЙ
ТУШКАНЧИК
ПОЛНЫЙ
ТАЙНЫХ
ЧУВСТВ

ОДНА
ОТ
ДРУГОЙ
ТОЛЬКО
НАЗВАНИЯМИ
И
ТОНАЛЬНОСТЬЮ
НО
НЕСМОТРЯ
НА ЭТО
РАСХВАТАННЫХ
НА
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ГИМНЫ
МИНИСТЕРСТВАМИ
КУЛЬТУРЫ
С
МАЛЫХ
ОСТРОВОВ

32.

ОБХОДЯ
ИНОХОДЬЮ
КЕГЕЛЬБАНЫ
ЗА
ВЕРСТУ
ЧУЯ
ЧАЙ
ОБГРЫЗАЛ
КРАЯ
КОМПАКТ-
ДИСКОВ
СМЕЩАЯ
СМЫСЛОВУЮ
НАГРУЗКУ
К ЦЕНТРУ
ГДЕ
ЖИЛ
АВТОР
ПЕСЕН
ОТЛИЧАЮЩИХСЯ

ДАННЫЕ
НАХОДЯТСЯ
В СТАДИИ
ПРОВЕРКИ

точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка
точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка
точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка
точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка
точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка точка

ТОЧКА

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов – АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл.почта: abgl@yandex.ru

Издаётся на средства редколлегии

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко,
Николай Ломидзе.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются.
При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением публикуемых авторов.